

УДК 323.1; 323.2

КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ ЭТНИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ АВТОНОМИЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАРАКАЛПАКСТАН И ГОРНО-БАДАХШАНСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ)

Д. Ю. Попков, А. С. Крамов

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация

Аннотация: Статья представляет собой исследование, направленное на изучение конфликтного потенциала этнических территориальных автономий (ЭТА) на примере бывших советских республик, расположенных в Центральной Азии. Перед непосредственным анализом определена сущностная характеристика такого понятия, как ЭТА, а также выявлены основные методологические издержки, связанные с различными подходами и выбором исследовательской оптики в изучении данного феномена. В ходе анализа Республики Каракалпакстан и Горно-Бадахшанской Автономной Области с точки зрения исторического контекста становления данных ЭТА, их конституционного-административного оформления, соотношения групп интересов различного уровня в указанных регионах, а также социально-экономического положения автономий были зафиксированы высокие уровни конфликтности в обоих случаях. Проведенный анализ указанных кейсов по нескольким показателям и дальнейшее обсуждение полученных результатов также выявили, что высокий риск этнополитического внутригосударственного конфликта, связанного с этно территориальной автономией, на постсоветском пространстве во многом детерминирован как противоречивой национальной политикой СССР, так и локальными региональными трендами. Кроме того, особое влияние на состояние современных ЭТА оказывают международные акторы в лице отдельных стран или религиозных формирований, которые могут как дестабилизировать автономии, так и способствовать началу переговорного процесса с административным центром. Авторы также рассмотрели географический фактор, который, как было выяснено, также имеет существенное значение для эффективности ЭТА как особого метода постконфликтного урегулирования внутренней этнополитической напряженности. Он может быть выражен в особенностях территориального ландшафта, удаленности автономии от центра, а также экологической обстановке.

Ключевые слова: постсоветское пространство, унитарное государство, ЭТА, конфликтность, Республика Каракалпакстан, ГБАО, Центральная Азия.

Благодарность: Статья опубликована при финансовой поддержке АНО ДПО «Институт Мира и исследования конфликтов».

Статья поступила в редакцию 22.04.2023; принята к публикации 26.06.2023.

- © **Данила Юрьевич Попков** — студент 4 курса, факультет политологии, Санкт-Петербургский государственный университет, st075827@student.spbu.ru
- © **Александр Станиславович Крамов** — студент 4 курса, факультет политологии, Санкт-Петербургский государственный университет, st078639@student.spbu.ru
-

THE CONFLICTOGENICITY OF ETHNIC TERRITORIAL AUTONOMIES IN THE POST-SOVIET SPACE (ON THE EXAMPLE OF UZBEKISTAN, TAJIKISTAN)

D.Yu. Popkov, A.S. Kramov

St. Petersburg State University (SPbU), St. Petersburg 199034, Russian Federation

Abstract: The article is a study aimed at studying the conflict potential of ethnic territorial autonomies (ETA) on the example of the former Soviet republics located in Central Asia. Before the direct analysis, the essential characteristic of such a concept as THIS is determined, as well as the main methodological costs associated with various approaches and the choice of research optics in the study of this phenomenon are identified. During the analysis of the Republic of Karakalpakstan and the Gorno-Badakhshan Autonomous Region from the point of view of the historical context of the formation of these regions, their constitutional and administrative design, the ratio of interest groups of various levels in these regions, as well as the socio-economic situation of the autonomies, high levels of conflict were recorded in both cases. The analysis of these cases on several indicators and further discussion of the results also showed that the high risk of ethnopolitical intra-state conflict associated with ethno-territorial autonomy in the post-Soviet space is largely determined by both the contradictory national policy of the USSR and local regional trends. In addition, international actors in the person of individual countries or religious formations have a special influence on the state of ETA, which can both destabilize the autonomies and contribute to the beginning of the negotiation process with the administrative center. The authors also considered the geographical factor, which, as it was found out, is also essential for the effectiveness of ETA as a special method of post-conflict settlement of internal ethno-political tensions. It can be expressed in the features of the territorial landscape, the remoteness of autonomy from the center, as well as the ecological situation.

Keywords: post-Soviet space, unitary state, ETA, conflictogenicity, Republic of Karakalpakstan, GBAO, Central Asia.

Acknowledgments: The article was published with the financial support of ANO DPO “Institute for Peace and Conflict Research”.

Received April 22, 2023; in final form June 26, 2023.

- © **Danila Yu. Popkov** — 4th year student, Faculty of Political Science, St. Petersburg State University, st075827@student.spbu.ru
- © **Alexander S. Kramov** — 4th year student, Faculty of Political Science, St. Petersburg State University, st078639@student.spbu.ru
-

Введение

После распада СССР в 1991 г. к власти в республиках пришли сформировавшиеся и окрепшие к тому времени национальные элиты. Однако необходимо отметить, что новые политические образования, возникшие на территории бывшего Союза, не являлись полноценными государствами и все еще находились на пути к модернизации. Перед политиками того времени встали одновременно две тесно связанных проблемы: завершение национал-строительства и укрепление государственности. Также возникла проблема столкновения идентичностей в сознании местного населения, которое являлось наследником одновременно и древних традиций своего этноса (или даже субэтноса.), и советской культуры, истории; но в то же время и участником уже наступившего глобального постмодерна. В подобной кризисной ситуации начинаются активные поиски ориентиров дальнейшего развития, которые могли бы мобилизовать население и стабилизировать ситуацию в стране. Так как государственная практика у бывших республик была незначительной, национальная идея стала одним из ключевых инструментов легитимации новых политических режимов в силу своей легкой реализуемости и в какой-то степени естественности для большинства людей. Американский социолог Р. Брубейкер называет такие государства «национализирующимися» [1, с. 211–212.], т. е. государствами, в которых доминирующая демографически и политически нация признает государство своим национальным достоянием.

Как показывает мировая практика, далеко не всегда новые национальные государства оказываются достаточно гомогенизированными, чтобы исключить внутригосударственные конфликты этно-территориального характера. Так, на современном постсоветском пространстве насчитывается существенное количество этнотерриториальных автономий (ЭТА): Гагаузия в Молдавии, Республика Аджария в Грузии, Республика Каракалпакстан в Узбекистане, Горно-Бадахшанская Автономная область в Таджикистане, Нахичеванская Автономная Республика в Азербайджане и др.

В данной статье авторы на примере Узбекистана и Таджикистана попытались выяснить, при каких условиях этнотерриториальная автономия может стать катализатором внутренней напряженности или же, напротив, фундаментом для деэскалации этнополитического конфликта. Выбор объектов исследования обоснован недавними кризисными событиями в упомянутых выше странах, которые в значительной степени связаны со статусом местных этнотерриториальных автономий. Так, в 2022 году на территории

Каракалпакстана из-за поправок в Конституцию Узбекистана, ликвидировавших особый суверенный статус Каракалпакии, начались акции протеста, которые переросли в кровопролитное столкновение с центральными властями. В Горно-Бадахшанской автономной области напряженность сохраняется уже больше года. В 2021 г. в ГБАО произошли первые выступления, вызванные убийством трех жителей данной автономии сотрудниками правоохранительных органов Таджикистана. В отношении митингующих были приняты жесткие репрессивные меры. В мае 2022 г. были зафиксированы новые акции протеста, которые привели к столкновению местных жителей с силовиками и армией.

Еще одной причиной выбора данных кейсов для нашего исследования является также тот факт, что Центральная Азия является достаточно мало заметным регионом как для отечественных, так и для зарубежных исследователей. Во многих сравнительных исследованиях ЭТА и базах данных вроде ERAD упомянутые ранее автономии фигурируют довольно редко, а если и попадают в выборку, то информация по некоторым аспектам оказывается неполной. Отчасти это связано с труднодоступностью данных регионов и достаточно жестким контролем центральных властей за публичной сферой, что не позволяет получить более точные представления о положении в автономиях.

Эффективность территориальных автономий

Требования этнических групп к большей автономии или отделению стали причиной более трети всех гражданских войн с конца Второй мировой войны [2, с. 1–3]. Чтобы одновременно успокоить крайне эмоциональных сепаратистов и сохранить суверенитет и территориальную целостность, правительства часто предлагают различные формы самоуправления. Так, число этнических групп, которым были предоставлены значимые права на автономию, неуклонно увеличивалось с момента окончания Второй мировой войны и почти удвоилось после распада СССР. Однако территориальная автономия, будь то модель «этнофедерации», регионалистское государство или модель унитарного государства с отдельной автономией, очевидно, далеко не всегда является панацеей для внутригосударственных этнополитических конфликтов. Например, Самоуправление на холме Читтагонг в Бангладеш, Автономный регион в мусульманском Минданао на Филиппинах или особый статус Джамму и Кашмир в Индии не привели к мирному межэтническому сосуществованию между титульной нацией и этническими

меньшинствами, в то время как реформы автономии значительно снизили этническую напряженность в других местах, таких как Гагаузия в Молдове или Бугенвиль в Папуа — Новой Гвинее.

В чем же состоит основное политическое содержание такого феномена, как ЭТА? Этническая территориальная автономия представляет собой особый набор инструментов и механизмов совместного управления, где властные полномочия того или иного этноса в контексте определенной территории детерминированы взаимообязывающими институциональными положениями. Исследователи выделяют несколько ключевых элементов, которые отражают суть ЭТА: достаточно высокая степень самоуправления наряду с особым статусом по сравнению с другими регионами и одновременно подчинение центральной власти (иными словами, деволюция); обусловленность предоставления расширенных полномочий автономии особым статусом определенной этнической группы; всеобщее признание группы в качестве этнической [3; 4; 5].

Несмотря на возросший в последние годы научный интерес к проблеме ЭТА, до сих пор исследователи не могут прийти к однозначному ответу на вопрос, способствуют ли этнически ориентированные территориальные автономии деэскалации конфликтности в регионе или же, напротив, становятся катализатором этнического насилия, одним из исходов которого может стать нарушение территориальной целостности государства и конечная сецессия автономий.

Отечественный эксперт А. В. Семенов, проведя сравнительный анализ крупных зарубежных монографий и корпусов исследований, в центре внимания которых находилась конфликтогенность ЭТА, приходит к выводу, что позиции касательно эффективности этнических территориальных автономий крайне разнообразны, причем огромную роль в этом смысле играет методология и дизайн исследований. Так, для исследований с небольшой выборкой, ориентирующихся в основном на качественные методы, характерна как скептическая (Ф. Редер, С. Корнелл и др.), так и оптимистичная (Д. Хоровитц, Т. Бенедикер, К. Нордквист и пр.) оценка возможностей ЭТА по урегулированию конфликтов [3, с. 147–148]. Концентрация на нескольких конкретных случаях, с одной стороны, позволяет провести более глубокое исследование и учесть большее количество факторов, влияющее на динамику развития конфликта между, и определить эффективность ЭТА в той или иной стране. С другой стороны, в подобного рода исследованиях отмечается достаточно нечеткий понятийно-категориальный аппарат, отсутствие объяснения принципов отбора тех или иных кейсов и нормативность

некоторых выводов. Что касается последнего, то авторы согласны с мнением В. А. Тишкова о том, что «...проблема сепаратизма в политике и в науке имеет выраженный эмоциональный контекст, ибо участники дискурса или открытой борьбы имеют дело с фундаментальными ценностями, непосредственно затрагивающими большие массы людей» [6, с. 339]. В этом смысле очевидно, что все мы, даже не будучи резидентами государств, где происходят этнополитические конфликты в рамках ЭТА, и не являясь резидентами данных автономий, становимся заложниками официального и неофициального политического дискурса, который так или иначе влияет на нашу исследовательскую оптику. Тем не менее, это отнюдь не означает, что мы должны придерживаться строгого позитивизма в своей исследовательской работе.

В отношении количественных исследований А. В. Семенов отмечает, что они во многом дополняют качественные, а не являются чем-то принципиально противоположным, как можно было бы предположить. Упомянутые выше недостатки качественных исследований создают проблемы для обобщения полученных результатов [3, с. 146]. В тоже время количественные методы позволяют выявить наиболее часто встречающиеся условия появления ЭТА, однако дальнейшая динамика развития конфликтных отношений не дает оснований для каких-либо крупных типологизаций. Более того, одно лишь предоставление ЭТА является недостаточным для урегулирования этнополитических конфликтов, связанных с самоопределением. Позитивный эффект автономий наиболее оптимально проявляется в совокупности с другими инклюзивным практикам, которые позволяют увеличить вовлеченность этнической группы в политический процесс. Также необходимо отметить, что количественные исследования обладают своими собственными недостатками вроде недостоверности и труднодоступности информации по некоторым показателям в конкретных регионах, а также невозможность наиболее полно раскрыть специфику отношений между некоторыми автономиями и материнским государством.

Таким образом, мы можем заключить, что в целом существует перспектива объединения качественных и количественных исследований для получения более полноценного представления о конфликтном потенциале конкретных ЭТА. Все это позволит одновременно учесть контекст механизмов этнической автономизации в том или ином государстве, эмпирически оценить их эффективности и сравнить с уже имеющимися международными прецедентами.

Методология и дизайн исследования

Конкретно в нашем случае более эффективным кажется метод case-study в силу своей гибкости, глубины и высокой интерпретативности. Для анализа авторами были отобраны кейсы Республики Каракалпакстан в Узбекистане и Горно-Бадахшанской Автономной области в Таджикистане. В качестве основных показателей для определения уровня конфликтогенности авторами были выбраны: история формирования ЭТА; институциональный дизайн государства; политические акторы, как внешние, так и внутренние, так или иначе имеющие отношение к конфликту; социально-экономическое положение ЭТА.

Исторический контекст представляется нам важным индикатором конкретно в отношении кейсов Таджикистана и Узбекистана. Центральная Азия является одним из немногих регионов, который подвергся достаточно радикальными преобразованиям со стороны советского правительства. В результате политики перекраивания границ, построения таких этнонаций как узбеки, киргизы, казахи, таджики и др, в результате насильственных депортаций некоторых этносов (например, турок-месхетинцев), которые изначально не проживали в данном регионе, Центральная Азия оказалась достаточно полиэтничной зоной, что в условиях кризиса привело к появлению этнических столкновений и конфликтов вроде резонансных Ферганских погромов в 1989 г. и Ошского конфликта в 1990 и 2010 г. [7, с. 460]. В этом смысле важно учитывать динамику формирования титульных этнонаций, специфику их отношений с более мелкими этническими группами и анклавами.

С точки зрения институционального дизайна необходимо обратить внимание на порядок получения регионом конституционно-правового статуса, участие других сторон в юридическом оформлении автономий, а также на юридическую силу документов, в которых закреплены особый статус и ширина полномочий данных автономий.

Центральная Азия также является особой геополитической зоной, где, помимо конфликтов между внутренними акторами, можно наблюдать столкновение различных внешних групп интересов, таких как отдельные государства (Россия, Китай, США), международные организации и НКО, незаконные религиозные и экстремистские формирования и др. Деятельность этих групп интересов отражается на балансе сил в каждом отдельном государстве и косвенно или напрямую влияет на динамику этнополитических конфликтов, связанных с ЭТА.

Социально-экономические измерения тоже необходимо учитывать. Центральная Азия представляет собой достаточно конфликтный регион, где происходит борьба за водные ресурсы, «углероды» и пр. полезные ископаемые, плодородную почву. Более того, экология и географическое положение рассматриваемых нами ЭТА оказывает существенное влияние на доступ к основным социально-экономическим благам, трудовую занятость местного населения и в целом на уровень жизни.

Основным методом сбора данных является вторичный анализ результатов уже имеющихся исследований по данной тематике, анализ юридических документов, интервью с экспертами по данным регионам, пресс-релизов и докладов международных аналитических центров.

Республика Каракалпакстан

Узбекистан является унитарным государством, состоящим из 12 областей, 174 районов, и Республики Каракалпакстан. Именно на ней мы и заострим наше внимание. Каракалпакстан занимает 38% территории Узбекистана, а население достигает лишь 5% от всего населения страны¹.

Автономный статус Каракалпакия получила еще в начале советской политики размежевания, однако впоследствии Каракалпакстан в разные годы входил в состав Киргизской, Казахской ССР, РСФСР, и, наконец, в 1936 г. стал частью Узбекской ССР, что и определило дальнейшую судьбу данной ЭТА. В 1990 г. в результате общереспубликанского референдума была подписана декларация, согласно которой Республика Каракалпакстан приобрела государственный суверенитет, однако само отделение от Узбекской ССР было определено в ней весьма расплывчато. В этот же период активизируются различные сепаратистские движения, наиболее известным из которых стало «Халк Мапи» («Интересы народа»), выступавшее за полную независимость Каракалпакии. Также звучали призывы к переходу под юрисдикцию Казахстана, так как считалось, что каракалпаки исторически и культурно были ближе именно к казахам. Тем не менее, в 1993 году в ходе переговоров политической элиты Каракалпакстана и И. Каримова (на тот момент президент Узбекистана), Республика вошла в состав Узбекистана сроком на 20 лет. Договор, подписанный между Узбекистаном

¹ Воробьев А. Узбекистан после протестов// Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/uzbekistan-posle-protstov/?ysclid=lgnt4x9xy5433096221> (дата обращения 22.04.2023).

и Каракалпакстаном, включал в себя важнейший пункт о том, что Республика имеет право выхода из юрисдикции Ташкента по результатам референдума и согласия высшего законодательного органа Узбекистана и заключением Конституционного Суда Республики Узбекистан.

Несмотря на то, что по заявлению многих международных наблюдателей, обстановка в Каракалпакстане все последующие десятилетия оставалась относительно стабильной, периодически в информационном пространстве возникали небольшие группировки, призывавшие к отделению Каракалпакии. Так, после провозглашения независимости Косово в 2008 г. активизировалось движение «Эркин Каракалпакстан» («Свободный Каракалпакстан»), которое тем не менее не смогло как-то существенно повлиять на политику Ташкента. Однако уже в 2014 на фоне сепаратизма Донбасского региона возникает новая группировка «Алга Каракалпакстан Азатлык Харекети» («Фронт движения за свободу Каракалпакстана»), подвергшаяся жестким политическим репрессиям при И. Каримове². После смерти президента в 2016 г. волнения вновь усилились, однако довольно быстро были подавлены.

На сегодняшний день, отношения между Ташкентом и Каракалпакстаном также нельзя назвать гладкими. В 2022 году в Республике прошли одни из самых массовых волнений. Наиболее веской причиной стало то, что власти Узбекистана решили убрать из проекта обновленной конституции упоминания о суверенитете республики и ее праве на сецессию, что вызвало сильное недовольство среди жителей, активистов и элиты Каракалпакстана. Негодование усиливал еще тот факт, что «решение о внесении поправок о статусе Каракалпакстана в новый проект узбекской конституции принималось без предварительного общественного обсуждения в самой республике»³.

Протестующие требовали от Ташкента следующие условия, а именно: отвод узбекских войск от границы с Каракалпакией и «прекращение ее оккупации, а также невмешательство Ташкента во внутренние дела республики и предоставление ей возможности вести собственную внешнюю политику. Итогом протестов стало то, что поправки, лишаящие Каракалпакстан права на сецессию, были удалены из проекта конституции. В качестве

² Чего ожидать после волнений в Каракалпакстане? // Central Asian Bureau for Analytical Reporting. URL: <https://cabar.asia/ru/chego-ozhidat-posle-volnenij-v-karakalpakstane> (дата обращения: 21.04.2023).

³ Воробьев А. Узбекистан после протестов // Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/uzbekistan-posle-protrestov/?ysclid=lgnt4x9xy5433096221> (дата обращения 22.04.2023).

последствий протестов эксперты также выделяют рост национализма в регионе, потеря очков авторитета президента, так как, по мнению ряда групп граждан, уступка Каракалпакстану является проявлением слабости.

В конечном итоге мы можем констатировать, что, несмотря на институционализацию национального самосознания каракалпаков еще в советский период, несмотря на дальнейшее относительно мирное оформление национального движения в 90-е и получение данной ЭТА статуса суверенной республики, сепаратистские настроения лишь усиливались с каждым новым десятилетием. В этом смысле можно выделить окончание договора между Каракалпакстан и Узбекистаном в 2013 г. и смерти президента И. Каримова в 2016 г. в качестве значимых факторов, существенно усиливших движение каракалпаков за независимость. Также стоит отметить, что за все это время со стороны центральных властей практически не исходило никакой инициативы в дискуссии о проведение референдума за независимость Каракалпаккии, в то время как различные группировки сепаратистов просто-напросто исчезали из официального дискурса.

С точки зрения институционального дизайна и конституционно-правового статуса автономия также представляет особый интерес. На данный момент Республика имеет свою Конституцию, а также право на выход из состава Узбекистана на основании всеобщего референдума народа Каракалпакстана, как упоминалось выше. Наличие отдельной конституцию фактически наделяет автономию наиболее широкими полномочиями на всем постсоветском пространстве, что подтверждается юридической силой самого документа [8, с. 70]. Однако, нельзя не отметить то, что в Узбекистане закреплено верховенство Конституции и законов Узбекистана над законами автономии. Также интерес представляют и остальные права автономии, которые прописаны в Конституции Узбекистана. Одним из таких является право Республики Каракалпакстан на осуществление законодательной инициативы. Благодаря такому праву Каракалпакстан может вносить законопроекты в Законодательную палату Олий Мажлиса Республики Узбекистан. Более того Республика Каракалпакстан обладает исключительными законодательными полномочиями. Например, право на назначение на ключевые государственные посты в Республике, принятие Конституции и законов автономии или принятие государственных стратегических программ экономического и социального развития [9, с. 49]. В то же время Каракалпакстан не имеет права на оспаривание в суде законодательных актов Узбекистана.

Таким образом, можно сказать, что автономия Каракалпакстана с точки зрения ее институционального закрепления является наиболее оптимальной среди других ЭТА на постсоветском пространстве. Однако, несмотря на свое

право выхода из состава Узбекистана, трудно представить такую ситуацию, когда парламент и Конституционный суд дадут свое согласие на выход практически трети территории страны из ее состава. В этом смысле институты, направленные на представление интересов, реализацию права автономии на самоопределение, блокируются политическим режимом в лице узбекских элит, для которых Каракалпакия остается неделимой частью Узбекистана.

Не менее важной для анализа является заинтересованность международных акторов, так или иначе влияющих на баланс сил в регионе. С одной стороны, США могли бы быть заинтересованы в отделении Каракалпакстана, чтобы таким образом получить более свободный доступ к природным ресурсам автономии в обход узбекского истеблишмента, которое давно находится в тесных партнерских связях с Россией. Однако подобная выгода не может превзойти издержки, которые, вероятно, понесет США при вмешательстве в данный конфликт.

Еще одним влиятельным игроком является Россия, которая, с одной стороны, может получить выгоду как от сецессии, так и от урегулирования конфликта. С одной стороны, у Кремля есть достаточно мотивов стабилизировать ситуацию из-за наличия крупных инвестиций и активов в Узбекистане, возросшего в последние годы американо-узбекского сближения, необходимости налаживания отношений с новым руководством Узбекистана. Все это отчасти подтверждается реакцией российских властей на прошедшие на протесты. Так, Дмитрий Песков, пресс-секретарь президента России, заявил, что «Всё, что происходит в Узбекистане, является внутренним делом этой страны»⁴. Также в телефонном разговоре между президентами России и Узбекистана, было отмечено, что Россия поддерживает усилия Ташкента по урегулированию конфликта, а также то, что Россия продолжит развивать стратегическое партнерство с Узбекистаном. С другой стороны, разжигание сепаратизма в Каракалпакии может быть использовано Кремлем как рычаг давления для возвращения Узбекистана в российский геополитический блок в лице ОДКБ, из которого Ташкент вышел еще в 2013 г.⁵

Еще одним актором, непосредственно заинтересованным в дестабилизации всей Центральной Азии и Узбекистана, в частности, можно считать

⁴ Воробьев А. Узбекистан после протестов // Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/uzbekistan-posle-protrestov/?ysclid=lgnt4x9xy5433096221> (дата обращения 22.04.2023).

⁵ Чего ожидать после волнений в Каракалпакстане? // Central Asian Bureau for Analytical Reporting. URL: <https://cabar.asia/ru/chego-ozhidat-posle-volnenij-v-karakalpakstane>(дата обращения: 21.04.2023).

исламистские радикальные группировки, сосредоточенные в соседнем Афганистане. Недавние протесты значительно ослабили позиции нового президента Шафката Мирзиёева и привнесли политический кризис в страну, которая достаточно долго выступала гарантом стабильности и безопасности среди других конфликтных государств Средней Азии вроде Таджикистана, Кыргызстана и Туркменистана, уже подвергшимся влиянию исламистов⁶.

С точки зрения социально-экономического развития Каракалпакстан также представляет достаточно высокий конфликтогенный потенциал. Из-за экологической катастрофы, связанной с пересыханием южной части Аральского озера большая часть Каракалпакстана является пустыней, что становится причиной двух основных проблем. Прежде всего, важно отметить, что основную часть доходов Каракалпакии приносит преимущественно сельскохозяйственный сектор, а именно выращивание хлопка, которое требует существенных водных ресурсов. Осушение южного Приаралья лишило каракалпаков их традиционной занятости, из-за чего многие вынуждены эмигрировать в Ташкент или соседние Казахстан и Россию. Нерешенная проблема занятости населения усугубляется еще и остановкой миграции людей из других регионов в Республику. Более того, уничтожение большей части Приаралья привело к тому, что многие местные жители лишились доступа к качественной воде, из-за чего значительно ухудшились показатели здоровья населения Каракалпакии. Также ситуацию накаляет разница в уровне жизни жителей Республики и остального Узбекистана. Если посмотреть показатели ВРП (валовой региональный продукт) на душу населения, то можно увидеть, что Каракалпакстан находится среди отстающих регионов. Более того, по подсчетам на каждого жителя Республики приходится всего лишь 100 долларов, что в несколько раз меньше, чем в остальных субъектах Узбекистана. Еще одним показателем является доход на душу населения, где автономия вновь также оказалась в числе отстающих⁷.

Подводя итог, можно сказать, что проблема Каракалпакстана не решена, а конфликт просто перешел в стадию заморозки. Несмотря на то, что протесты не позволили Узбекистану лишиться Республики хотя бы юридических оснований на сецессию, остальные проблемы все также остаются актуальными.

⁶ Separatism in Uzbekistan? Karakalpakstan after Crimea // The Central Asia-Caucasus ANALYST. URL: <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/central-asia/tajikistan/b87-rivals-authority-tajikistans-gorno-badakhshan> (дата обращения: 20.04.2023).

⁷ Исмаилходжаев Ш. Разбор в цифрах: как низкий уровень жизни и образования приводит к недовольствам населения // Hook. URL: <https://hook.report/2022/07/economics-protests-karakalpakstan/?ysclid=lgotrjkkj8362249101> (дата обращения 22.04.2023).

Таким образом, стабильность региона является очень хрупкой. Любой новый ухудшающий ситуацию законопроект или действия со стороны Ташкента могут привести к тому, что протесты вспыхнут с новой силой.

Горно-Бадахшанская автономная область

После прихода советской власти процесс нациестроительства в Таджикской ССР, в частности в Памире, мало чем отличался от реализации национальной политики в других республиках Центральной Азии. Так, уже в 1924–1925 гг. была создана Горно-Бадахшанская автономная область (ГБАО) в составе Таджикской республики. Стоит отметить, что вплоть до конца 30-х годов памирские народы присутствовали в графе «национальность» [10, с. 12]. Однако после изменения вектора советской национальной политики с культурного разнообразия и национального самоопределения на укрупнение сложившихся этнонаций памирцы больше никак не фигурировали в переписях, так как официально были признаны таджиками. В 1990-е годы на волне господствовавших в тогдашнем советском пространстве сепаратистских настроений в ГБАО начало формироваться собственное национальное движение. В тоже время были сформулированы основные политические требования жителей Памира, которые, впрочем остаются актуальными и по сей день: соблюдение прав и полномочий автономной области; более открытый доступ в органы государственной власти Таджикистана для резидентов автономии; улучшение и уровня жизни и социально-экономического положения региона; право на владение и пользование природными ресурсами и расширение полномочий в торгово-экономической сфере; поддержка и создание памирских языков, культуры и религии [11, с. 78–79].

Необходимо отметить, что требования, связанные с созданием алфавита и письменности для памирских языков и с активным их внедрением в общественную и политическую жизнь, были и остаются одними из центральных и в целом соответствуют общесоветским тенденциям того времени. Символическая роль языка оказала существенное мобилизационное влияние на национальные движения в бывших советских республиках. Данный феномен, положивший начало распаду СССР, часть экспертов называет «мобилизационным лингвицизмом» [11, с. 80]. В этом смысле ГБАО мало чем отличался от других советских республик и за небольшой промежуток памирские языки стали гораздо более инкорпорированными в публичную сферу и систему образования.

Итак, жители ГБАО постепенно начали осознавать себя как отдельную национальную общность, однако нельзя утверждать, что в основе данного

процесса лежало противопоставление памирских народов таджикской нации. Так, даже в Декларации об образовании Автономной Республики Бадахшан 1992 г., несмотря на радикальность некоторых формулировок, население ГБАО все еще признавалось частью титульной нации, а таджикский язык — государственным. Таким образом, мы можем наблюдать в основном мирные стратегии урегулирования напряженности и изначальную нацеленность лидеров памирского движения именно на расширение политической власти, а не на сецессию.

Тем не менее, принятая декларация была рассмотрена как явный сепаратизм и была отвергнута таджикским правительством. Далее с 1992–1997 гг. в Таджикистане разворачивается гражданская война, где памирцы выступили на стороне Объединенной таджикской оппозиции. Однако они боролись не столько против таджикского правительства, сколько за особый статус и расширение полномочий Горного Бадахшана. Война закончилась поражением для памирцев, повлекшим дальнейшее преследование и дискриминацию по культурному и религиозному признаку. После относительной стабилизации обстановки в 1995 г. был принят конституционный закон «О ГБАО», согласно которому автономия провозглашалась «...неделимой и составной частью Республики Таджикистан»⁸. Отныне Памир являлся автономией лишь формально.

Более того, репрессивная политика центра сохраняется и по сей день. Так с 2012 года было зарегистрировано около шести вооруженных столкновений местных служб безопасности с памирцами⁹. Волнения в форме несанкционированных акций протеста становятся предлогом для различного рода карательных операций, которые приводят к аресту местных журналистов, общественных деятелей, неформальных лидеров, а также потерям среди гражданских. Так в 2022 был убит один из памирских неофициальных лидеров Мамадбокир Мамадбокиров¹⁰. Иными словами, наличие автономии лишь усилило напряженность, что отчасти вызвано достаточно сложным контекстом становления ГБАО: противоречивой советской национальной политикой; изначальным отказом центральной власти от конструктивного

⁸ Конституционный закон Республики Таджикистан «О Горно-Бадахшанской автономной области». URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=18413

⁹ Pamiris // Minority Rights Group International. URL: <https://minorityrights.org/minorities/pamiris/> (дата обращения: 20.04.2023).

¹⁰ В Хороге убит неформальный лидер памирцев Мамадбокир Мамадбокиров // РИА Фергана. URL: <https://ria.ru/20211130/skhiigumen-1761506267.html> (дата обращения: 20.04.2023).

диалога с автономией; наконец, участием ГБАО в гражданской войне на стороне оппозиции, что лишь усилило негативное отношение власти к памирцам.

Что касается институционального дизайна, то, как уже было отмечено выше, автономия является довольно условной. Прежде всего, хотелось бы подчеркнуть, что в отличие от того же Узбекистана, где правовой базой автономии служат как Конституция Республики Узбекистан, так и Конституция автономии, правовой статус ГБАО закреплен преимущественно в конституционных законах, которые по своей юридической силе гораздо слабее. Более того, основные полномочия автономии зафиксированы в разных главах Конституции, а не в одной главе, что опять же приравнивает ее к обычным административным единицам Таджикистана. Также Конституция устанавливает равное с другими АТЕ представительство ГБАО в выборных органах, в верхней и нижней палате Парламента Таджикистана (Маджлиси Оли). Председатель ГБАО назначается президентом Таджикистана, т. е. так же, как и в других областях. Круг компетенций и полномочий ГБАО опять же нигде четко не определен и не зафиксирован, что ставит под сомнение реальную самостоятельность региона. С другой стороны, автономия обладает собственным Маджлисом народных депутатов с правом законодательной инициативы и квотой в одно место в Конституционном Суде Таджикистана. Однако даже эти преимущества кажутся сомнительными, так как могут быть легко заблокированы.

В целом можно отметить, что, несмотря на формальное признание в конституционных законах особого статуса ГБАО ввиду ее культурного, географического и этнического своеобразия, различия в возможностях и самостоятельности между автономией и другими АТЕ минимальны. Культурная и языковая автономия региона не имеет под собой практически никакого юридического основания, институциональная среда слабо способствует вовлечению памирцев процесс принятия политических решений в Таджикистане. Более активное представительство интересов региона также слабо поддерживается, хотя памирские народы составляют всего лишь 3% от общего населения страны.

В силу своего уникального расположения, ландшафта, исторического прошлого ГБАО является концентрацией разных по своим характеристикам групп интересов. С одной стороны, с победой в войне власть Душанбе, казалось бы, распространилась на ГБАО, однако труднодоступная гористая местность представляет собой существенное препятствие для институционального и идеологического освоения территорий, на которое у правительства Таджикистана во главе с президентом Эмомалем Рахмоном не хватает административных ресурсов. Также стоит отметить, что остатки памирского

сопротивления вместе с недобитыми членами ОТО после окончания войны отступили в ГБАО и продолжают там находиться и даже оказывать влияние на регион. В 1998 г. между центром и ОТО было подписано мирное соглашение, согласно которому 30% государственных постов (в основном в полиции, службе безопасности и пограничных войсках) должны были занимать представители оппозиции, однако все эти посты были сосредоточены именно в ГБАО. Таким образом, памирская автономия, по сути, разделена между таджикским истеблишментом и «оппозиционным» правительством, которое местные также называют «авторитетами»¹¹. Тем не менее, центральные власти посредством силовиков и армии используют любое неповиновение как предлог для карательных рейдов против оставшейся оппозиции. Также посредством назначений из центра они постепенно вытесняют памирцев с должностей, лишая «авторитетов» административных, финансовых и оружейных ресурсов, хотя и не без попыток сопротивления со стороны последних.

Однако не стоит однозначно утверждать, что на данный момент у Душанбе и ГБАО нет пространства для конструктивного диалога. В этом смысле необходимо отметить, что благодаря пограничному положению автономии она представляет собой ценный транзитный участок для наркотрафика и контрабанды, поступающих из соседнего Афганистана. По некоторым данным нелегальный оборот наркотиков составляет до 30% ВВП Таджикистана¹². Наркотики являются важным источником прибыли не только для «авторитетов», но и для правящей власти, что позволяет говорить о сговоре между пограничниками, таможней и административным центром. Слабый контроль за границей с Афганистаном, вовлечение местных в коррупционные схемы обеспечения наркотрафика и контрабанды, двоевластие — все это выступает дестабилизирующими факторами для автономии, которые значительно снижают возможность мирного урегулирования конфликта с центральной властью

Что касается международного влияния, то здесь прежде всего выделяются Россия и Китай, которые посредством инвестиций в строительство инфраструктурных объектов, предоставление кредитов и т. д. распространяют свое влияние в регионе для извлечения экономической выгоды и обеспечения

¹¹ Rivals for Authority in Tajikistan's Gorno-Badakhshan // International Crisis Group. URL: <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/central-asia/tajikistan/b87-rivals-authority-tajikistans-gorno-badakhshan> (дата обращения: 20.04.2023).

¹² Россия и Китай теснят Британию в Горном Бадахшане // Рамблер. URL: <https://news.rambler.ru/world/47685114-rossiya-i-kitay-tesnyat-britaniyu-v-gornom-badahshane/?ysclid=lgp9cigeb320419505> (дата обращения: 20.04.2023).

национальной безопасности. Последнее, возможно, даже более важно как для России, так и для Китая, что объясняет наличие военных баз в регионе. Для России основную угрозу представляет сам наркотрафик, а также связанные с ним исламистские террористические группировки. Основной целью Китая является борьба с уйгурским исламистским движением, которые могут воспользоваться т. н. «Ваханским коридором» для проникновения внутрь страны и организации диверсий и террористических актов¹³. Тем не менее, усиление присутствия Китая в Таджикистане воспринимается неоднозначно: российские власти недовольны тем, что Китай не считается с интересами своего стратегического союзника и активно занимает новые геополитические рубежи; местные, особенно этнические киргизы, проживающие в Мургабском районе автономии, где расположены китайские военные базы, возмущены тем, как таджикский истеблишмент фактически продает землю под нужды армии КНР без каких-либо консультаций и референдумов. Также часть экспертов и общественных деятелей обеспокоены крайне высокой вероятностью того, что силовые ведомства Таджикистана объединятся вместе с военными КНР и покончат с оставшейся оппозицией.

Еще одним достаточно важным мировым актором, оказывающим огромную поддержку региону, является религиозный лидер исмаилитов Ага-Хан IV. Связано это, прежде всего, с тем, что ГБАО в отличие от остальных преимущественно суннитских территорий Таджикистана является крупнейшей религиозной общиной исмаилитов — представителей одного из направлений шиитской ветви ислама. Особенность исмаилизма заключается в своей собственной иерархии имамов, где титул передается по наследству. При этом сам имам Ага-Хан IV, как и его отец, предыдущий имам, Ага-Хан III, уже не проживает на территории своей уммы. Однако это вовсе не мешает ему оказывать существенную экономическую, социальную поддержку своим последователям при помощи собственной НПО «AKDN» (Aga-Khan Development Network), занимающейся продвижением образования, финансовой грамотности, строительством инфраструктурных объектов, которые могут улучшить экономическое положение региона (Например, ГЭС, гостиниц, университетов, школ и т. д.), поддержкой языков и культуры Западного Памира [12, с. 311–312]. Впрочем, не все эксперты оценивают вклад благотворительных организаций Ага-Хана как однозначно положительный. Несмотря на неоднократную гуманитарную и инвестиционную поддержку

¹³ Rivals for Authority in Tajikistan's Gorno-Badakhshan // International Crisis Group. URL: <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/central-asia/tajikistan/b87-rivals-authority-tajikistans-gorno-badakhshan> (дата обращения: 20.04.2023).

памирцев еще с периода гражданской войны в Таджикистане, ценности, продвигаемые организаторами и сотрудниками АКDN, существенно влияют на общественную жизнь самих памирцев. Дело в том, что еще в период правления Ага-Хана III исмаилизм в своих догмах испытал определенный сдвиг в сторону демократических ценностей и капиталистических институтов. В этом смысле основная деятельность Ага-Хана IV и АКDN направлена на культивацию индивидуализма, экономической самостоятельности и индивидуального предпринимательства, толерантности, образованности, которые должны обеспечить исмаилитам качественную жизнь и стабильность. Однако здесь не учитывается культурная и социальная специфика памирских народов, которые привыкли к взаимопомощи, коллективизму в рамках своих небольших общин как основе выживания в столь суровых условиях. Новые веяния приводят к атомизации и нарушению социальных связей среди местного населения, что негативно сказывается на конфликтности в регионе. Центральными властями влияние Ага-Хана также оценивается как отрицательное, в связи с чем осуществляется дискриминационная политика в виде незаконных арестов исмаилитов по подозрению в терроризме, в виде национализации собственности и проектов АКDN, запрета важных культурных и религиозных мероприятий, обыск религиозных организаций (джамат-кханов) исмаилитов¹⁴.

С точки зрения социально-экономического измерения, то регион даже при советской власти, несмотря на существенные вложения в индустриальное развитие, считался достаточно бедным [13, с. 53]. Так, несмотря на наличие значительных запасов драгоценных металлов и полезных ископаемых, регион в основном специализируется на сельской продукции и туризме. Также в Горном Бадахшане и его окрестностях существует разнообразная энергетическая инфраструктура, представленная преимущественно гидроэлектростанциями (ГЭС). Почти все потребление электроэнергии в регионе обеспечивается за счет гидроэнергетики, и тем не менее, далеко не все памирцы имеют к ней доступ. Проблема была решена благодаря Фонду экономического развития Ага Хана (AKFED), который выкупил управление энергетической инфраструктуры автономии в 2002 и посредством инвестиций

¹⁴ What is happening in Tajikistan? Up-to-date information on recent events in Gorno Badakhshan Autonomous Region (GBAO) and their historical background // Roof-Top Info. URL: <https://wechange.de/project/roof-top-info/file/background-information-on-the-situation-in-kh/download/Background-information-on-the-situation-in-Khorugh> (дата обращения: 21.04.2023).

увеличил обеспеченность местного населения электричеством до 96%¹⁵. Более того, часть этой электроэнергии также экспортируется в соседние государства, в том числе и в Афганистан. Тем не менее, экономическое развитие региона остается довольно слабым, несмотря на свой высокий потенциал, и требует в виду определенных географических, климатических условий огромных капиталовложений со стороны таджикского правительства и иностранных инвесторов, привлечению которых мешает периодические вооруженные столкновения, слабое освоение территорий и пр. Также население автономии сталкивается с серьезным социально-экономическим неравенством, которое усугубляется действиями со стороны центральных властей, проводящих ротации кадров государственных органах и администрации, экспроприрующих местный бизнес, игнорирующих коррупцию и клептократию. Помимо этого, фиксируется отток молодежи и специалистов, вызванный страхом перед репрессиями и заключением, низкой оплатой труда и в целом достаточно низким уровнем жизни¹⁶.

В заключение анализа конфликтогенности ГБАО хотелось бы отметить, что данная ЭТА по всем показателям имеет достаточно большой конфликтный потенциал. С точки зрения исторического контекста автономия под влиянием советской политики и мировых тенденций сформировала культурную, языковую, религиозную основу для мобилизации населения и собственного нациестроительства, которое идет вразрез с политикой нациестроительства титульной нации в лице таджиков. Более того, участие автономии в гражданской войне на стороне оппозиции закрепило негативное отношение центра к любому проявлению автономии как нарушению целостности государства. Политико-правовой статус автономии также не дает никаких оснований для конструктивного диалога между центральными и местными элитами. К тому же, очевидно, что Душанбе нацелен на насильственную ассимиляцию памирских народов, что проявляется в кадровых перестановках в органах самоуправления и служб безопасности, культурной, языковой, религиозной политике дискриминации, фактическом уничтожении гражданского общества и оппозиции и т. д.¹⁷ Участие внешних игроков также

¹⁵ “Pamir Energy” // Aga Khan Foundation. URL: <https://www.akfusa.org/our-work/pamir-energy/> (дата обращения: 21.04.2023).

¹⁶ В ГБАО оштрафованы триста человек якобы «за проступки своих несовершеннолетних детей» // PamirDailyNews. URL: <https://pamirdaily.com/> (дата обращения: 21.04.2023).

¹⁷ MRG condemns sentencing of Pamiri civil society leaders in Tajikistan // Minority Rights Group International. URL: <https://minorityrights.org/2022/12/09/gbao-sentences/> (дата обращения: 20.04.2023).

не способствуют налаживанию переговоров между автономией и центром, так как они во многом преследуют свои собственные интересы. Для многих из них ГБАО представляет собой лишь буферную зону, гарантирующую национальную безопасность, а предоставление реальной автономии местному населению не является для них приоритетом, так как это может осложнить реализацию своих собственных проектов. Социально-экономическое состояние региона также не способствует деэскалации ввиду ощутимой неравномерности регионального развития.

Заключение

В ходе анализа кейсов ЭТА по ряду показателей в таких странах, как Узбекистан и Таджикистан, авторами было установлено, что автономия не только не является достаточным средством для урегулирования сепаратистских настроений на постсоветском пространстве, но скорее напротив, лишь дестабилизирует внутривосточную ситуацию. Однако мы вынуждены подчеркнуть, что на конфликтность автономий оказала влияние и геополитическая специфика Центральной Азии.

На наш взгляд, высокий конфликтный потенциал Республики Каракалпакстан и ГБАО может отчасти объяснить концепция “морозильной камеры”, или “возвращения подавленного”, Э. Хобсбаума, согласно которой распад СССР вызван подъемом сепаратистского национализма в посткоммунистических странах в 90-е годы, который, в свою очередь, возник результате насильственного подавления («замораживания») национальных движений, активно развивавшихся первую треть XX в. [7, с. 226–227]. В этом смысле Узбекистан и Таджикистан уже при строительстве своих собственных национальных государств стали наследниками заложенных еще в советское время проблем национального самоопределения. Справиться с ними в самом начале нациестроительства было довольно сложно: с одной стороны, у бывших советских республик не было институтов гражданского общества для полноценной мобилизации всего населения, и потому был выбран критерий титульной этнонации, который игнорировал входящие в состав государства этнические меньшинства, тем самым порождая конфликтные отношения; с другой стороны, у новых национальных государств, не было достаточно ресурсов, чтобы провести масштабные этнические чистки в ЭТА. В конечном счете конфликт долгое время находился в подвешенном состоянии. При этом даже спустя десятилетия со стороны правящих элит мы не наблюдаем ни желания, ни готовности допускать этнические меньшинства к политическому процессу при помощи институционализации

этих общностей и их территорий, так как все это противоречит мифу о гомогенности титульной этнонации. Таким образом, политика в отношении ЭТА на постсоветском пространстве носит во многом ассимиляционный характер, который в каждом кейсе выражается по-разному: от замещения этноса титульной нацией через внешние и внутренние миграционные процессы, директивное назначение на государственные должности до физического уничтожения лидеров этих этнических меньшинств и насильственной экспроприации их собственности.

Многие эксперты не согласны с логикой концепции Э. Хобсбаума, утверждая, что национальные движения являются скорее следствиями, а не причиной распада СССР. Авторы в целом тоже поддерживают данное замечание. Советская национальная политика была не столько против наций, сколько против национализма. В этом смысле советское руководство проводило скорее институционализацию, инкорпорацию этнонаций и их территорий в политическую жизнь общества посредством паспортизации, проведения новых границ, образовательной политике, положившей начало этническим элитам, политики позитивной дискриминации в сфере трудоустройства и т. д. Политизация этничности достигла своего апогея в начале 90-х в рамках парада суверенитетов на всем постсоветском пространстве. Однако, как можно заметить, некоторые суверенитеты оказались сильнее.

Еще одной концепцией, которая помогает объяснить высокий конфликтный потенциал рассмотренных кейсов, является т. н. «триада Брубейкера» [7, с. 245], согласно которой риск этнополитических конфликтов значительно повышают такие факторы, как национализирующееся государство, наличие этнических меньшинств, не желающих занимать в этом государстве маргинализованное положение и существование представителей этих меньшинств в рамках диаспор или даже титульной нации в соседних государствах.

Также нам хотелось обратить внимание на еще один фактор, который, как нам кажется, необходимо учитывать при анализе конфликтогенности ЭТА, а именно — географический фактор. В данном случае авторы, с одной стороны, подразумевают удаленность и специфику ландшафта территорий, на которых проживают этнические меньшинства. Прежде всего хотелось бы обратить внимание на концепцию исторического процесса американского антрополога и политолога Джеймса Скотта [14, с. 19–20], где на примере высокогорных территорий ряда стран Юго-Восточной Азии продемонстрировано, как горная непересеченная местность становится своеобразным «фронтиром», буферной зоной для многочисленных маргинальных этнических групп, образующих уникальное полиэтничное пространство,

свободное от государственной инкорпорации. Такие этнические анклавы в официальном дискурсе обычно клеймятся «варварскими» и «примитивными», хотя в действительности подобное бегство было актом осознанного неповиновения. В современных условиях почти все государства получили полный контроль над своими территориями, однако бегство все равно продолжается. На наш взгляд, кейс ГБАО является ярким примером того пространства, которое Дж. Скотт вслед за историком Ван де Шенделем также называет «Зомией» [15, с. 116–117]. Возможно, памирские народы имеют несколько иное представление о государственности, которое отличается от того, что им предлагает таджикское правительство. Эти народы на протяжении многих тысячелетий жили без государства, следуя своим выработанным культурным, религиозным и общественным паттернам поведения. Таким образом, сопротивление памирцев отчасти может быть вызвано не столько стремлением к обретению свою собственного государства или околосударственного статуса, сколько желанием вернуться к догосударственному состоянию, а также традиционным практикам, на которые сегодня посягают таджикские власти.

Более того, ряд исследований эмпирически подтверждает тот факт, что непересеченная горная местность и удаленность периферии от центра значительно повышают шансы конфликтного исхода сецессии ЭТА [16, р. 503–504].

Что же касается кейса Республики Каракалпакстан, то здесь важную роль играет не столько ландшафт, сколько экологическая обстановка, связанная с неестественным пересыханием Аральского моря, запущенным еще аграрной политикой СССР, нехваткой пресной воды, солевыми бурями и засушливым климатом. Все это сказывается не только на здоровье местного населения, но и на его экономическом положении. Эксплуатационный характер политики Узбекистана тем самым лишь усиливает напряжение между периферией и центром.

Таким образом, как уже было подтверждено многими другими исследованиями, успешность ЭТА как метода урегулирования этнополитических конфликтов преимущественно ситуативна. Многое зависит от исторического, институционального, социально-экономического, и географического контекстов, в рамках которых была сформирована и существует та или иная автономия. В нашем случае почти все эти измерения в определенной степени были детерминированы советским прошлым и в этом плане мы можем даже попытаться обобщить и экстраполировать результаты нашего анализа на другие бывшие советские республики с автономиями. Однако в то же время, как уж было высказано выше, конфликтогенный потенциал

рассмотренных нами ЭТА во многом индивидуализируется через современную геополитическую конъюнктуру и региональную специфику.

Список литературы / References

- [1] Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма // *Ab Imperio*. 2000. № 1.
Brubaker R. “Myths and misconceptions in the study of nationalism”, in *Ab Imperio*, 2000, no. 1. (In Russ.)
- [2] Schulte F. *Peace through Self-Determination (Success and Failure of Territorial Autonomy)*, Palgrave Macmillan Cham, 2020. 181 p.
- [3] Семенов А.В. Политические эффекты этнических территориальных автономий: обзор исследований // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2016, № 1: 127–152.
Semenov A.V. “Political effects of ethnic territorial autonomies: a review of research”, in *Vestnik Permskogo universiteta. Series: Political Science*, 2016, no. 1: 127–152. (In Russ.)
- [4] Панов П.В. Мир этнических региональных автономий: представление новой базы данных // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2016. № 4: 66–93.
Panov P.V. “The world of ethnic regional autonomies: presentation of a new database”, in *Vestnik Permskogo universiteta. Series: Political Science*, 2016, no. 4: 66–93. (In Russ.)
- [5] Минаева Э.Ю., Панов П.В. Этнические региональные автономии: вариативность соотношения этнических и политико-административных границ // Политическая наука, 2017, № 4: 178–205.
Minaeva E.Yu., Panov P.V. “Ethnic regional autonomies: variability of the ratio of ethnic and political-administrative borders”, in *Politicheskaya nauka*, 2017, no. 4: 178–205. (In Russ.)
- [6] Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2004. 541 с.
Tishkov V.A. *Requiem for ethnos. Research on socio-cultural anthropology*, Moscow, 2004. 541 p. (In Russ.)
- [7] Ачкасов В.А., Абалян А.И., Андреев А.А., Никифоров А.А. Этнополитические конфликты и мобилизация в современном мире: постсоветский контекст: коллективная монография / отв. ред. В.А. Ачкасов, А.И. Абалян. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. 640 с.
Achkasov V.A., Abalyan A.I., Andreev A.A., Nikiforov A.A. *Ethnopolitical conflicts and mobilization in the modern world: post-Soviet context: a collective monograph*. St. Petersburg: Russian Academy of Sciences Press, 2021. 640 p. (In Russ.)
- [8] Савицкий П.И. Конституционно-правовой статус автономных образований в странах Содружества Независимых государств // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 3 (105): 69–76.

- Savitsky P.I. “Constitutional and legal status of autonomous entities in the countries of the Commonwealth of Independent States”, in *Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2018, no. 3 (105): 69–76. (In Russ.)
- [9] Назаретян Д.Г. Территориальные автономии в унитарных государствах на постсоветском пространстве: деволюция законодательных полномочий // Вестник ПАГС. 2021, № 2: 46–55.
Nazaretyan D.G. “Territorial autonomies in unitary states in the post-Soviet space: devolution of legislative powers”, in *Vestnik PAGES*, 2021, no. 2: 46–55. (In Russ.)
- [10] Худоёров М.М. Социально-политические и этнокультурные трансформации на постсоветском Памире : автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.07. Москва, 2012. 27 с.
Khudoerov M.M. *Socio-political and ethno-cultural transformation in the post-Soviet Pamirs: diss. abstract*. Moscow, 2012. 27 p. (In Russ.)
- [11] Худоеров М.М. Проблема Памирской автономии в Таджикистане на рубеже 1980–1990-х годов // Вестник Челябинского университета. 2011. № 22(237): История. Вып. 46: 78–81.
Khudoerov M.M. “The problem of the Pamir Autonomous Region in Tajikistan at the turn of the 1980–1990s”, in *Vestnik Chelyabinskogo universiteta*, 2011, no. 22(237), History, Iss. 46: 78–81. (In Russ.)
- [12] Алексеева А.В. Роль организации развития ага-хана в постконфликтном восстановлении таджикистана // ИМЭМО РАН. 2018, № 1 (54): 308–323.
Alekseeva A.V. “The role of the Aga Khan Development Organization in the post-conflict reconstruction of Tajikistan”, in *MEMO RAN*, 2018, no. 1 (54): 308–323. (In Russ.)
- [13] Паршин П. Место и роль Горно-Бадахшанской автономной области в государственной системе Таджикистана // Россия и мусульманский мир. 2016. № 12 (294): 42–60.
Parshin P. “The place and role of the Gorno-Badakhshan Autonomous Region in the state system of Tajikistan”, in *Rossiya i musulmanskij mir*, 2016, no. 12 (294): 42–60. (In Russ.)
- [14] Скотт Дж. Искусство быть неподвластным. М.: Новое издательство, 2017. 408 с.
Scott J. *The art of being out of control*, Moscow: Novoe izdatelstvo, 2017. 408 p. (In Russ.)
- [15] Харкевич М.В. «Зомия» как модель незападного политического сопротивления // Сравнительная политика. 2019. № 4: 108–119.
Harkevich M.V. “‘Zomiya’ as a model of non-Western political resistance”, in *Sravnitel'naya politika*, 2019, no. 4: 108–119. (In Russ.)
- [16] Cederman L.-E., Buhaug H., Rød J.K. “Ethno-nationalist Dyads and Civil War: A GIS-Based Analysis”, in *Journal of Conflict Resolution*, 2009, no. 53: 496–525.